

Старожильческие говоры Крайнего Северо-Востока России в фонологическом аспекте

Соколянский Александр Анатольевич, доктор филологических наук, профессор;
Магерамова Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

Внутри Московской фонологической школы (МФШ) сложилось два основных подхода в вопросе о выделении фонемных единиц. Одни считают, что единицей фонологии является только фонема. Это сторонники одноуровневой фонологии (А. А. Реформатский, П. С. Кузнецов, В. К. Журавлев, Л. Л. Касаткин, М. Л. Каленчук и др.). Другие пришли к выводу, что фонетической системе более соответствует многоуровневая фонология (С. К. Шаумян, Р. И. Аванесов, М. В. Панов, Е. Ф. Киров, А. А. Соколянский и др.). В докторской диссертации А. А. Соколянского «Модель многоуровневой фонологии русского языка» было предложено различать восемь звуковых уровней: *слог* (минимальная единица речевого потока), *звук речи первого рода*, *звук речи второго рода* (единицы речи), *звук языка* (единица языка, отвечающая за установление связи между языком и речью), *дифференциатор*, *синтагмо-фонема*, *парадигмо-фонема* и *морфонема* (единица языка) [см. 1]. Автором двигало стремление иерархизировать явления *речевого потока*, *речи* и *языка*, устранив тем самым противопоставление фонетики и фонологии. С позиций предложенной теории был описан вокализм литературного языка и некоторые явления в области консонантизма, включая диалектные. В предлагаемой статье используются элементы многоуровневой фонологии при описании старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока России (КСВ).

Русские старожильческие говоры на КСВ сложились в XVIII–XIX вв. в результате освоения территории Восточной Сибири. Основа старожильческих говоров севернорусская.

При описании фонетических явлений исследователь должен, как минимум, различать три случая. Значительное количество фонетических процессов в литературном языке и в говорах носит регулярный характер и может быть рассмотрено как фонетический закон. *Фонетический закон* – регулярное фонетическое изменение, представленное в синхронии в виде фонетических позиционных чередований, а в диахронии в виде строгих позиционных фонетических изменений, происшедших в конкретном языке в определенную эпоху его существования. К таким явлениям, к примеру, следует отнести изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных (*n'átъй – n'át'm*) или оглушение согласных на конце слова (*дубы – дуп*). В говорах (реже в литературном языке) могут происходить нерегулярные фонетические изменения (примеры см. далее). Особый статус имеют лексикализованные явления. Термин *лексикализация* многозначен. В диалектологии лексикализация – это фонетическое изменение, характерное

именно для данного слова или небольшой группы слов и не имеющее системного характера. Например, повсеместно в русских говорах распространено слово *оп'ém'* 'опять'. Здесь между мягкими произошло изменение *a* → *e*, однако во многих говорах этот процесс наблюдается только в этом слове, а в других случаях он отсутствует.

Ударный вокализм говоров КСВ является пятифонемным, какие-либо свидетельства о наличии в говоре в настоящем или прошлом особых фонем <ê> или <ô> нет.

В соседстве с мягкими согласными происходит смещение артикуляции гласных в переднюю зону образования. В говорах КСВ это явление иногда приводит к изменению *a* > *e* в позиции между мягкими согласными: *оп'ém'*, *пл'ем'én'н'ик*, *n'ém'* 'пять', *в'él'ел'и* 'вялили', *хоз'эйка*, *вз'él'и* и т. п. Анализ этих примеров с фонематической точки зрения в большинстве случаев позволяет говорить о том, что мы имеем дело с лексикализованными явлениями. Из приведенных слов только в словах *n'ém'* 'пять', *вз'él'и* и *в'él'ил'и* обнаруживается связь *é* с фонемой <a>, которая проявляет себя в чередовании *a* // *é* (*n'átтой – n'ém'* 'пять', *вз'ал – вз'él'и*, *в'áлой – в'él'ил'и*). Во всех других примерах синхронное чередование отсутствует. Нельзя изменить слова *оп'ém'*, *пл'ем'эн'н'ик* *хоз'эйка* так, чтобы было представлено чередование *a* // *é*. Таким образом, в отношении этих слов следует говорить о гиперфонемной ситуации, возникающей в позиции под ударением. Вместе с тем в данном случае возможны и другие решения. Дело в том, что только слово *опять* может в говорах последовательно произноситься как *оп'ém'*, все другие слова только в редких случаях допускают такую возможность. Иначе говоря, произношение *пл'ем'эн'н'ик* *хоз'эйка* в говорах существует наряду с произношением *пл'ем'án'н'ик* *хоз'áйка*. Более того, последнее произношение встречается даже чаще. Стало быть, в речи одного диалектоносителя сосуществуют варианты *пл'ем'эн'н'ик* и *пл'ем'án'н'ик*, что подтверждает реальность чередования *ä* // *é* на синхронном уровне. Данное чередование осуществляется не в определенной фонетической позиции, а в речевой позиции: реализации фонемы зависит от положения во фразе, темпа речи и других факторов. Речевые позиции были описаны в монографии А. А. Соколянского [1].

Звук *ы* нередко изменяется в *у*. Обычно это происходит в соседстве с губными и заднеязычными (эти звуки в дихотомической акустической классификации составляют класс *низких* [см. 2, с. 193–195]): *бул*, *бúли* 'былины', *муло*, *забула* и др. В силу общей лабиовелярности звукового строя говоров КСВ это явление

распространено довольно широко.

Веляризация и ослабление корреляции твердости–мягкости согласных привели к тому, что звуки *и* и *ы* часто утрачивают противопоставленность, что приводит к их взаимной мене: *р'уба*, *в'ижал*, *м'и* и др. В некоторых случаях исследователи затрудняются определить, какой именно звук произносится.

Безударный вокализм. Для говоров КСВ характерно *оканье*, которое фиксируется практически всеми исследователями речи старожилов. Несмотря на то, что сомнений в отношении существования оканья в говорах КСВ нет, его характер вызывал часто споры. Многие исследователи отмечали, что оканье в речи старожилов не столь явно выражено, как это имеет место в говорах Европейской части России. В целом речь старожилов не воспринимается как окающая. Попытка объяснения этого явления была предпринята А. И. Курьяновой, исследовавшей говор старожилов села Марково. Ею была подробно проанализирована речь одной информантки. Результаты проведенного исследования показали, что фонема <о> в речи старожилов может быть реализована как *о* (*тоу'л'и*), как *о^б* (*до^бска*), как *о^о* (*до^ома*), как (*вз'ил'и*), реже как *а^б* (*дра^бва*) и как *а* (*ста'ят*). Фонема <а> в этой позиции почти всегда реализуется в звуке *а* (*вар'ил*, *самá*). Анализируя полученные данные, можно прийти к выводу, что реализации фонемы <о> лежат в зоне звуков более верхнего подъема со склонностью к сохранению лабиализации *о – о^б – о^о – ь*, а реализации фонемы <а> тяготеют к нижнему подъему и представлены преимущественно звуком *а*. Проведенное исследование показывает сохранение оканья в старожильческих говорах и объясняет, почему оканье не воспринимается носителями литературного языка как яркое диалектное явление: его «приглушенный» характер обеспечен тем, что очень часто противопоставление фонем <о> и <а> реализуется не в звуках *о* и *а*, а в звуках *ь* и *а*.

Ослабленное оканье порождает такое явление, как *уканье* – усиление лабиализации гласных *о* и *ы* в безударном положении. Как правило, этот процесс происходит в соседстве с губными и заднеязычными, приводя к контекстно обусловленной нейтрализации (по Н. С. Трубецкому). Примеры: *кулумá* ‘Колыма’, *турговáл*, *умувáл'н'ик*. Этот процесс порождает нейтрализацию *и × у → у* и приводит к тому, что оканье реализуется в противопоставлении *а ÷ у* (*травá – друвá*). Здесь противопоставление звуков *а ÷ у* способ реализации фонем <а> и <о>.

Исследователи говоров КСВ не уделяли особого внимания состоянию безударного вокализма после мягких согласных. Принято считать, что для говоров характерно *еканье*, то есть произнесение на месте фонем <е>, <а>, <о> звука *е* или близких к нему. Примеры употребления: *л'еп'оск'и*, *п'ер'еворóт*, *т'еп'эр*. Вероятно, это не повсеместно распространенное явление. Часто, особенно в позиции перед мягким согласным, может произноситься *и*: *л'ип'оск'и*, *т'ип'эр* и др. Такое произношение можно интерпретировать как проявления слабого еканья, которое само по себе является этапом перехода к иканью. Слабое еканье предполагает произношение *п'етáк* ‘пятак’, но *п'ит'и*

‘пяти’, то есть в позиции перед твердым согласным в первом предударном слоге произносится *е*, а между мягкими – *и*.

Консонантизм. Фонема <г> в говорах КСВ реализуется во взрывном звуке *г*, на конце слова закономерным образом он чередуется с *к*: *ногá – нок*. Наличие оканья и взрывная реализация <г> – свидетельство севернорусского происхождения говоров КСВ.

Самой яркой чертой консонантизма говоров КСВ является *соканье*. Этот термин даже в пределах диалектологии не является однозначным. Мы используем его в том значении, в каком его употреблял А. М. Селищев [3]. По его мнению, *соканье* – это неразличение свистящих и шипящих фонем в говорах и совпадение этих рядов в звуках, близких к *с*, *з* и *ц*. Стало быть, термин *соканье* фактически обозначает два явления, которые в диалектологии обычно рассматриваются раздельно: *цоканье* и *собственно соканье*.

Цоканье – неразличение фонем <ц> и <ч'>, совпадение их в звуке типа *ц*. Различают несколько видов цоканья в зависимости от того, в каком именно звуке происходит совпадение. Наиболее распространенным является *мягкое цоканье*, при котором совпадение аффрикат осуществляется в звуке *ц'*. При *твердом цоканье* неразличение аффрикат реализуется в звуке *ц*. Для говоров КСВ свойственна особая разновидность мягкого цоканья, которое принято называть *палатальным цоканьем*. «Разновидностью мягкого цоканья является палатальное, или, как его иногда называют, шепелявое цоканье. В этом случае на месте *ц* и *ч* произносится звук [ц''], при образовании которого спинка языка приближена не к передней части нёба, как у [ц'], а к средней. Звук [ц''] средненёбный» [4, с. 64]. Примеры цоканья в говорах КСВ: *ц'áсто*, *собáц''к'и*.

Более тщательное исследование функционирования аффрикат в говоре показало, что иногда встречаются между ними весьма сложные отношения, которые нельзя интерпретировать как цоканье. Наблюдения А. И. Курьяновой над архаичной речью информантки Е. А. Берёзкиной (на момент записи ей было 83 года) показали такую фонетическую картину. Звук *ч'* в речи информантки употребляется крайне редко, что вроде бы характерно для цоканья, но дальнейшие наблюдения приводят к выводу, что речь информантки не подпадает под традиционное определение цоканья. Распределение аффрикат подчиняется определенным закономерностям. В соответствии с этимологической фонемой <ч'> произносится мягкая зубная аффриката *ц'* (*уц'илас'*, *п'ец'*, *врац'*) или палатальная аффриката *ц''*: *зáйц''ика*, *в'иц''орк'и*. Очевидно, реализации *ц'* и *ц''* находятся в отношениях свободного варьирования. Твердая зубная аффриката *ц*, как правило, соотносится с этимологической фонемой <ц>: *полот'енц'ьм*, *холод'эц*.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в речи А. Е. Берёзкиной этимологические аффрикаты <ц> и <ч'> не совпадают друг с другом, но их противопоставление строится на других основаниях: они составляют пару по признаку твердости–мягкости, реа-

лизуясь преимущественно в звуках *ц* и *ц'* соответственно. Конечно, даже самый тщательный анализ речи только одного информанта не позволяет делать выводов относительно функционирования аффрикат в говорах КСВ в целом, но сама возможность существования более сложных отношений между аффрикатами в старожильческих говорах не должна оставаться без внимания.

Диалектологами уже отмечался такой тип отношений в говорах. Л. Л. Касаткин предполагает, что этот процесс стимулирован инодиалектным влиянием. В говорах КСВ, находящихся в глубокой изоляции, вряд ли могло иметь место инодиалектное влияние. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с процессами внутри самого говора.

В фонологическом плане *соканье* – это последовательная нейтрализация этимологических рядов свистящих и шипящих, осуществляемая в свистящих звуках. А. М. Селищев практически не употреблял в своих работах термин *фонема*. Но столкнувшись с фактом хаотического варьирования звуков *с* – *ш* и *з* – *ж*, он вынужден был написать, что эти звуки в говорах КСВ и ряде языков Сибири представляют одну фонему, так как мена звуков не приводит к смене значения. «Согласные *с* и *ж* еще ранее усвоения русского языка в разных сибирских группах стали вариантами одной и той же фонемы, имевшими одинаковую значимость» [3, с. 596].

Предельный случай нейтрализации можно представить в следующих формулах: $c \times ш \times c' \rightarrow c$ (*сок* – *сол* ‘шёл’ – *посóлок*); $з \times ж \times з' \rightarrow з$ (*забул* – *заба* ‘жаба’) – *забат* ‘(мерзнуть)’; $ц \times ч' \rightarrow ц''$ (*ц''анат* – *ц''ас*); $c' \times ш' \rightarrow c''$ (*с''ók'u* ‘щёки’). Формулы фонологических процессов были предложены Е. Д. Поливановым [5] и детализированы В. К. Журавлевым [6, с. 45].

Такая последовательная нейтрализация в реальной речи представлена редко, но именно на нее указывает совокупный анализ примеров. Как правило, проявления *соканья* одинаковы на разных территориях вне зависимости от того, с какими именно языками контактировали русские старожилы. Поэтому следует пытаться найти объяснение *соканью* не только во внешнем иноязычном влиянии, но и выявить внутренние предпосылки его формирования.

В старожильческих говорах наблюдается отверждение свистящих, чаще всего это происходит в позиции перед гласными непереднего ряда. Этот процесс можно рассматривать как очень близкий к лексикализации (*посóлок*, *м'есац* и др.), так как он наблюдается обычно в ограниченном кругу лексики.

Если принять за отправной пункт то, что изначально в старожильческих говорах КСВ (как и в литературном языке и большинстве европейских говоров) употреблялись палатализованные согласные, то в диахронической проекции можно выявить четыре пути развития палатализованных свистящих: 1) сохранение палатализованной артикуляции (*с'ила*, *з'има*, *ч'истый*); 2) изменение палатализованных свистящих в палатальные свистящие (*с''ила* = *с'''ила* = ‘сила’, *з''има* = *з'''има*, *ц''истый* = *ц'''истый*); 3) изменение палатализованных свистящих в палаталь-

ные шипящие (*ш''ила*, *ж''има*, *ч''истый*); 4) отверждение палатализованных (*посóлок*).

Неустойчивость палатальных свистящих привела к изменениям и в системе «настоящих» шипящих. Это выражается в том, что шипящие регулярно изменяются в свистящие, включая и твердые согласные: *сол* (= ‘шёл’), *зыл* (= ‘жил’), *с'':ит* (= ‘шит’).

Можно предположить, что возникновения *соканья* в говорах КСВ связано не только и не столько с иноязычным влиянием, как это считали А. М. Селищев, а вслед за ним К. М. Браславец, Г. В. Зотов и другие. Возможно, существует связь между *соканьем* и особенностями реализации категории твердости–мягкости в говорах Крайнего Северо-Востока. В говорах КСВ на процесс изменения палатальных в шипящие накладывалась тенденция к ослаблению корреляции по твердости–мягкости. Нельзя исключать того, что это стороны одного процесса: палатальные согласные не могли выступить полноценными заместителями мягких согласных.

Важной особенностью консонантизма говоров КСВ является ослабление категории твердости–мягкости согласных, которое проявляется чаще всего в их отверждении. В настоящее время эта диалектная черта ярко выражена в речи старшего поколения. Наиболее последовательно веларизация (= отверждение) согласных представлена в группе губных и у вибранта *р*: *бёлка*, *зубь''т*, *спат*. Реже наблюдается замена твердых мягкими: *в'идра*, *м'иска* ‘мышка’, *р'ибак'и*.

Для говоров КСВ характерны различные комбинаторные процессы. Остановимся только на одном из них. Редко, но еще встречается в говорах явление вставки взрывного согласного между зубными щелевыми и взрывными зубными: *с-т-руб'ил*, *с-т-разу*, *с-т-р'езат*, *с-т-рыбой*, *из-д-рыбы*, *з-д-р'а*, *из-д-ругат*. Это явление проанализировал М. В. Панов, описывая фонетические фантомы: «В русских говорах на Колыме есть такое позиционное чередование:

Не между [с] и [р]	Между [с] и [р]	Не между [з] и [р]	Между [з] и [р]
–	[т]	–	[д]

Говорят: *на руке* – *с-т-рук*, *с-т-рукой*;

о рыбе – *с-т-рыбе* (род. пад.);

нарезать – *стрезать*;

по рукам – *из-д-рук*;

о рыбе – *из-д-рыбе* (род. пад.);

через-д-реку;

раздрезать и т. д.

Согласные [с] и [р], [з] и [р] не могут быть соседями» [7, с. 407].

Далее М. В. Панов рассуждает о фонематическом статусе вставных звуков и приходит к выводу, что они не являются особыми фонемами, а представляют собой реализацию фонем <с> и <р>, <з> и <р> на стыке друг с другом, то есть являются фонематическими фантомами.

В прошлом старожильческие говоры КСВ включали в себя такие фонетические черты, которые сегодня уже утрачены. До середины XX века в говорах По-

ходска и Нижнеколымска (нижнее течение реки Колымы, Саха (Якутия)) сохранялось *сладкоязычие* – уникальное диалектное явление, состоящее в совпадении фонем <л>, <л'>, <р>, <р'>, <ј> в одном звуке *ј*. О себе они говорили *м'и којимской најот* 'мы колымский народ'. Подробное описание этого явления было осуществлено в работе А. А. Соколянского [8].

Исследователи XIX–начала XX вв. отмечали изменение *т' → ч'*. В настоящее время оно представлено в виде оговорок, которые в процессе общения тут же

исправляются самим говорящим (*в'эч'ер* 'ветер'). В музее поселка Марково хранятся рисунки конца XIX в., выполненные школьником Анкудиновым. К некоторым из этих рисунков сделаны подписи. Под рисунком *дятла* написано *дячель*, изображение *котла* сопровождается подписью *кочель*. Эти написания можно, наверное, интерпретировать различно, но самая очевидная интерпретация состоит в том, что в говоре села Марково конца XIX в. на месте *т'* произносили звук *ч'*.

Литература:

1. Соколянский А. А. Модель многоуровневой фонологии русского языка. Магадан, 2010.
2. Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
3. Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 584–604.
4. Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
5. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
6. Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М., 1986.
7. Панов М. В. Фонетические «фантомы F» // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. I. М., 2004. С. 406–412.
8. «Сладкоязычие» в русских говорах // Проблемы фонетики. Вып. IV: Сб. статей / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002. С. 269–283.